

И. С. Ровдо (Минск)

О ТОЖДЕСТВЕ И СХОДСТВЕ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Уже давно доказана близость восточнославянских языков на всех их уровнях. Можно было бы и не возвращаться к этой проблеме, если бы не вопрос о том, что считать тождественным, общим, близким, различным, к примеру, на лексическом уровне.

Степень общего и различного качественно и количественно зависит от конкретных языков сопоставления и от их количества. Так, во всех славянских языках насчитывается около четырехсот слов, общих по форме и значению [1, с. 48–50]. Уменьшение количества сопоставляемых языков увеличивает количество близких по форме и значению слов. По мнению А. Е. Супруна, лишь 10–20 % слов в белорусском

тексте будут полностью отличаться от русских слов [2, с. 12]. Правда, представления ученых об общем и различном не всегда совпадают, а во многих случаях они и не акцентируют на этом внимание. Опрос носителей языков свидетельствует о том, что большинство из них указывают на тождество или сходство слов в близкородственных языках в написании, звучании и значении. Но что собой представляет это тождество и сходство, объяснить не всегда могут.

На самом же деле, слов русского и белорусского языков, полностью совпадающих по форме, не так и много, если учесть, что значительное их количество имеет, к примеру, графические различия. Так, в русском языке нет букв *і, ъ*, в белорусском – *и, ш, ь*. В таком случае мы находим в белорусском языке соответствие буквам русского языка и наоборот: рус. *кит* – бел. *кіт*, рус. *щека* – бел. *шчака*, рус. *подъезд* – бел. *пад'езд*, бел. *купіў* – рус. *купил*. Разделительными знаками в русском языке являются *ь* и *ъ*. В белорусском – [*’*] и *ь*. Несмотря на наличие в русском и белорусском языках букв *е* и *ё*, использование их различно: в белорусском оно является обязательным.

«Классическим» примером фонетико-орфоэпических различий являются звуки: рус. [*ч’*] – всегда мягкий, бел. [*ч*] – всегда твердый; рус. [*г*] – взрывной, бел. [*γ*] – фрикативный; рус. [*р*] может быть и твердым, и мягким, бел. [*р*] – только твердый. Достаточно различий на морфемно-словообразовательном и морфологическом уровнях. Только один перечень всех различий русского и белорусского языков на всех их уровнях мог бы быть представлен на нескольких страницах, достаточно вспомнить произношение гласных и согласных в разных позициях в слове. Если человек знает хорошо лишь один из этих языков, то, слыша речь на втором языке, замечает эти различия. Для билингвов же эти различия становятся несущественными, малозаметными благодаря регулярному переключению с одного языка на другой.

Наличие расхождений в форме любых, даже самых близких по родству языков, – это аксиома, ибо в противном случае мы имели бы дело не с двумя, а с одним языком. Какие в таком случае у носителей двух языков основания «не замечать» существующие различия. Мы и в самом деле во многих случаях их не замечаем или не обращаем на них внимания, поскольку большинство таких различий нивелируется наличием закономерных регулярно повторяющихся соответствий: графических, фонетических, орфографических, акцентологических, морфемно-словообразовательных, существующих в системных отношениях контактирующих языков (подробнее см.: [3]). К примеру, рус-

скому [ч'] всегда соответствует белорусский звук [ч]. Эти соответствия четко прослеживаются в правильной литературной речи билингвов при попеременном использовании двух языков. «Напоминает» же о расхождении интерференция – проникновение элементов одного языка в речь на другом. Если же не учитывать наличие указанных закономерных соответствий или же случаев, не сводимых к таковым (рус. *ладонь* – бел. *далонь*, рус. *ложка* – бел. *лыжка*), то абсолютно тождественными по форме в русском и белорусском языках будут в основном односложные слова с идентичной графикой: рус. *нос* – бел. *нос*, рус. *сок* – бел. *сок*. К данным примерам могут примыкать лишь сходные по форме слова с закономерными регулярными соответствиями.

Слово, как известно, существует в единстве его формы и содержания. Поэтому даже при формальном тождестве или сходстве слова близкородственных языков, в том числе русского и белорусского, во множестве случаев будут не тождественными, а сходными по содержанию или даже противоположными. Что касается последнего, то это случаи межъязыковой омонимии, довольно неплохо изученные на примере различных пар языков [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13].

Говорить о содержательном тождестве лексических единиц разных языков можно, пожалуй, по отношению к терминам. В нетерминологических же коррелятах такие отношения возможны, если слова совпадают по значению, внутренней форме, стилистической окраске и коннотации. Если же такого совпадения нет, тождественными они могут считаться только частично. К примеру, русское слово *береза* не имеет хорошо известной россиянам коннотации в большинстве языков мира, белорусское *ватоўка* и русское *стёганка* имеют разную внутреннюю форму. Разный признак в основу номинации может быть положен и в межъязыковых соответствиях «слово – сочетание слов»: бел. *знічка* – рус. *падающая звезда*.

В близкородственных языках иногда наблюдаются «парадоксальные» соотношения внешней и внутренней формы номинативных единиц. Так, форма *жечь* с соответствующим значением свойственна русскому языку. В белорусском ей соответствует форма *паліць* с тем же значением. Однако отражение признака 'жечь' с таким же по форме корнем мы наблюдаем в ряде белорусских слов, которые, к тому же, являются безэквивалентными по отношению к русскому языку: бел. *вожгаз* – рус. *черенок ухвата*, бел. *жыгала* – рус. *раскаленный*

прут, которым прожигают дырки (в дереве, кости). Подобная межъязыковая конверсия наблюдается и по отношению к словам *сялежыць* (рус. *сорвать с передка телегу*), *сялежваць*, *сялежыцца*, *сялежвацца*, *сялежаны* (русское слово *телега* соответствует белорусскому *калёсы*).

Не будут полностью тождественными и межъязыковые лексические корреляты, одно из слов в которых имеет стилистическую окраску. Так, русским словам *перст*, *око*, *глас* в белорусском языке нет соответствующих слов с той же стилистической окраской. Представленные в русско-белорусских словарях соответствия рус. *перст* – бел. *палец*, рус. *око* – бел. *вока*, рус. *глас* – бел. *голас* являются лексическими. Лексико-стилистическими соответствиями будут рус. *палец* – бел. *палец*, рус. *глаз* – бел. *вока*, рус. *голос* – бел. *голас*.

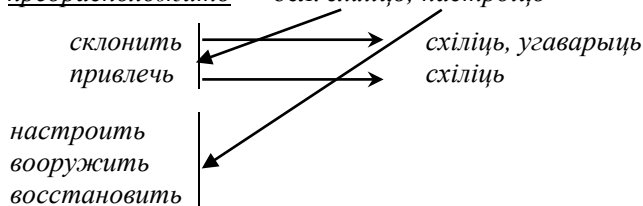
Одним из самых заметных различий являются случаи, когда слову одного языка нет однословного соответствия во втором из сопоставляемых языков. Это хорошо известное явление лексической безэквивалентности, которое может быть представлено эксплицитно, если показателем *эксплицитной безэквивалентности* считать сочетание слов в правой части межъязыкового соответствия: бел. *прывсятак* – рус. *канун праздника*, бел. *рэзгіны* – рус. *приспособление для носки сена, соломы*.

Лексическая безэквивалентность наблюдается и в случаях, когда слову исходного языка сопоставления есть однословное соответствие, но оно является заимствованием, что можно рассматривать как *имплицитную безэквивалентность*: бел. *веращачка* – рус. *верещака*. Такой статус подобных межъязыковых коррелятов в родственных языках определить сложнее, для этого иногда требуются специальные этнолингвистические и другие исследования. Родство, близость языков и культур часто «нейтрализует» безэквивалентность, делает ее незаметной. В речи такие слова в другом языке часто воспринимаются как слова этого языка. В неродственных же языках подобная безэквивалентность легче обнаруживается вследствие отдаленности лексических систем и культур.

Наличие безэквивалентных слов и их количество зависит от того, какие языки сопоставляются, какие они по структуре, генетической близости и близости культур, отраженных в этих языках. Так, в русском языке по отношению к белорусскому и наоборот таких слов приблизительно 3 %. По мнению А. Е. Супруна, в болгарском по отношению к белорусскому 7–10 % [14, с. 6].

Какими бы по форме ни были соответствия русских и белорусских номинативных единиц в пределах отдельных лексико-семантических вариантов, априори признается, что в переводных словарях они соответствуют друг другу и по значению, но степень такого соответствия может быть разной. Убеждаемся в этом, используя в данном случае методику, которую можно назвать *челночной*: от слова языка А к соответствующему слову языка Б, затем от переведенного слова языка Б к соответствующему слову языка А. Направление перевода меняется столько раз, сколько необходимо для достижения поставленной цели [15, с. 132]. К примеру,

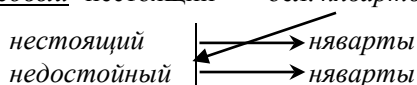
рус. предрасположить → бел. *схіліць*; *настроіць*

Как видим, при обратном переводе на русский язык слово *предрасположить* оказывается вне соответствия словам *схіліць*, *настроіць*, что можно, пожалуй, рассматривать как еще один случай имплицитной безэквивалентности. Правда, в данном случае (в отличие от выше-рассмотренного) слово не заимствуется, к нему подбирается наиболее подходящий по значению эквивалент.

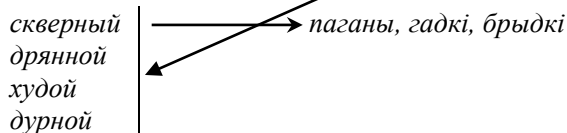
Или:

рус. бросовый 'нестоящий' → бел. *няварты*

У слова *бросовый* есть и другие оттенки значений, например:

рус. *бросовый* 'плохой' → бел. *дрэнны*, *кепскі*, *благі*

Несложно догадаться, что каждый следующий этап перевода будет включать в поле соответствий слова с еще более сниженной стилисти-

ческой окраской, еще больше отдаляющиеся по значению от исходного слова. В оттенке же значения 'брошенный' слову *бросовый* соответствует слово *kídki*, которое при обратном переводе опять выводит нас на слово *бросовый*.

Таким образом, о тождестве на лексическом уровне в близкородственных языках во многих случаях можно говорить лишь с определенными оговорками. В основном же – это сходство, которое носителями двух языков часто воспринимается как тождество, приводящее к ошибкам в письменной и в устной формах речи.

1. Kopečný, F. Základní všeslovanská slovní zásoba / F. Kopečný. – Praha, 1981.
2. Супрун, А. Е. Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе / А. Е. Супрун. – Минск, 1974.
3. Ровдо, И. С. Межъязыковая омонимия в системе русской и белорусской лексики / И. С. Ровдо // Веснік БДУ. – 1979. – № 2. – С. 29–33.
4. Выхота, В. А. Беларуска-рускі слоўнік: міжмоўныя амонімы, паранімы, полісемія / В. А. Выхота. – Мінск, 2004.
5. Горская, С. А. Русско-белорусские омолексы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Горская. – Минск, 1990.
6. Грабчиков, С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы: Опыт русско-белорусского словаря / С. М. Грабчиков. – Минск, 1980.
7. Ivašina N. и др. Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině / N. Ivašina, A. Rudenka, L. Janovec. – Praha, 2006.
8. Кочерган, М. П. Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов: Содержание и принципы построения / М. П. Кочерган // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М. – 1990. – № 3.
9. Кусаль, К. Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема / К. Ч. Кусаль. – СПб., 2006.
10. Радић-Дугонић, М. Семный потенциал русско-сербских межъязыковых паронимов в сопоставительной лексикографии / М. Радић-Дугонић // Medzinarodni zjazd slavistov: Zbornik rezume. – Bratislava. – 1993. – С. 681.
11. Ровдо, И. С. Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма: автореф. дис. ...канд. филол. наук / И. С. Ровдо. – Минск, 1980.
12. Шуба, П. П. Проблемы белорусско-русской межъязыковой омонимии и паронимии / П. П. Шуба // Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. – Минск, 1975. – С. 14–32.
13. Супринович, О. Е. Типологизация межъязыковых лексических параллелей (на материале белорусско- и немецкоязычных лексикографических источников): автореф. дис. ...канд. филол. наук / О. Е. Супринович. – Минск, 2019.

14. Супрун, А. Е. Въпроси на типологичното съпоставяне на белоруската и българската лексика / А. Е. Супрун // Съпоставително езикознание. – № 5. – София, 1980. – С. 4–11.

15. Ровдо, И. С. Межъязыковая омосемия в собственно лингвистическом и культурологическом аспектах исследования / И. С. Ровдо // Беларуско-руско-польское супастаўляльнае мовазнаўства: Даклады V Міжнарод. навук. канф. / пад агульн. рэд. А. М. Мезенкі, Л. М. Вардамацкага. – Віцебск, 2000. – С. 132–137.